

Солодилова И.А.

Оренбургский государственный университет

E-mail: solodilovaira16@gmail.com

МЕТОНИМИЯ: ГРАНИЦЫ ФЕНОМЕНА

Статья посвящена рассмотрению метонимии как когнитивно-семантической структуры в ее сравнении с метафорой и объяснению различий между данными феноменами языка и мышления с точки зрения когнитивного подхода к изучению языка. Среди основных отличий утверждается гипотетичность метафоры по сравнению с реальной связью концептов в метонимии, семантический перенос признаков для метафоры и синтаксическое стяжение для метонимии как лежащих в основе их операций, ограниченность и неограниченность рамками одной синтагмы и множественность vs. единичность ассоциативных связей между соответствующими концептами.

Языковые особенности метафоры и метонимии также объясняются исходя из их концептуальных признаков. Метонимия понимается как референциальный сдвиг – результат целостного наложения концепта-источника на концепт-цель. В этой же логике объясняются и основные функции метонимии в языке – функция идентификации. Возможность выполнять в языке и другие функции – экспрессивную и оценочную признается за индивидуальными, единичными метонимиями, прежде всего, типа «часть – целое», что объясняется лежащей в основе данной семантической структуры процедуры редукции целого до его части.

Утверждается основополагающая роль метонимии в процессах концептуализации на ранних этапах языкового развития в силу большей очевидности и легкости восприятия отношений по смежности, нежели отношений по сходству.

Ключевые слова: метонимия, метафора, концепт, когнитивно-семантическая структура.

«Создать язык невозможно, ибо его творит народ; филологи только открывают его законы и приводят в систему, а писатели только творят на нем сообразно с теми законами»

В.Г. БЕЛИНСКИЙ

Метонимия и метафора являются теми научными понятиями, которые знакомы не только лингвистам и филологам, вне зависимости от сферы их научных изысканий, но и не связанным с наукой людям. И на каком бы уровне – научном, учебном или бытовом – не рассматривались эти явления, с удивительным постоянством именно метафора выигрывает в симпатии, получая массу «комплиментов» и наслаждаясь пристальным интересом. Выражаясь фигурально, с помощью той же самой метафоры, можно было бы охарактеризовать одну, как прекрасную принцессу, а вторую прилежной и скромной Золушкой, хотя нужно все же признать, что на первую также иногда сваливается рутинная работа (если речь идет о лексической метафоре и процессах номинации).

В чем же заключается «принцесность» метафоры и «золушкосность» метонимии?

На наш взгляд, метонимия, процесс метонимизации как способ образования новых ЛЕ, является более простым, удобным и естественным для языкового употребления и языкового сознания, нежели метафоризация. Метафора – это насилие, насилие над языковым сознанием,

как на уровне образования ЛЕ, так и на уровне их понимания, поскольку основана она на таких когнитивных процессах, как сравнение, анализ, синтез. Это рефлексия над системой уже имеющихся знаний, результат вторичной интерпретации мира. В разговорной речи общепотребительные метафоры вызывают, конечно, меньшие трудности. Ср.: *Он засыпался на втором вопросе. Его одолел сон.* Но они явно ощущаются при восприятии поэтических метафор. Ср.: *«Имба-старуха челюстью порога/ Жует пахучий мякиш тишины» (С. Есенин). «Из крохотных мгновений соткан дождь. / Течет с небес вода обыкновенная. / И ты, порой, почти полжизни ждешь, / когда оно придет, твое мгновение.» «У каждого мгновенья свой резон, / свои колокола, своя отметина» (Р. Рождественский) (Выд. – метафоры)*

Метафора – всегда загадка, которая возбуждает наш интерес, но которую нужно непременно отгадать, чтобы понять.

Что есть метонимия в языке, или, вернее сказать, для человека в языке? Метонимия «работает» согласно основному для процесса языкового развития (да и любого другого раз-

вития) закону – закону экономии, в данном случае – языковой экономии, экономии языковых усилий. Залогом всякого прогресса является, прежде всего, желание найти способ сэкономить прилагаемые усилия в том, или ином виде деятельности, речь – является одним из видов нашей деятельности.

В чем заключается помощь метонимии и ее заслуга в процессах экономии языковых усилий? Метонимия представляет собой стяжение, усечение мыслительной структуры, естественное для нашего сознания, как на этапе порождения, так и на этапе восприятия. Приведем примеры из обиходной речи: «*А где это находится?*» – *На Терешковой.*» (= *На улице Терешковой*); «*Девушка, а можно Ваш телефончик?*» (= *А можно номер Вашего телефона?*); «*Они расписались.*» (= *Они расписались в книге регистрации актов гражданского состояния и тем самым зарегистрировали свой брак*); «*Дай мне русский.*» (= *Дай мне учебник по русскому языку*), «*Что у нас пожевать?*» (= *Что у нас поесть?*). И таких примеров можно найти сотни, метонимия пронизывает нашу речь, как на лексическом, так и на грамматическом уровне, облегчая человеку речевую деятельность.

Исследования роли метафоры в процессах номинации позволили ученым установить основополагающее значение процессов метафоризации в выполнении языком номинативной функции. Однако, смеем утверждать, что метонимические процессы и феномены являются не менее, а, может быть, и более основополагающими для языка и мышления, чем метафорические, поскольку метонимия вследствие лежащих в ее основе отношений смежности гораздо глубже коренится в когнитивно-семантических структурах, чем метафора. По всей видимости, метонимические переносы играли более активную роль и предшествовали метафорическим в процессах концептуализации на раннем этапе развития *homo sapiens* в силу большей доступности для осознания именно отношений смежности по сравнению с отношениями подобия и сходства, о чем свидетельствуют некоторые диахронические исследования абстрактных понятий, таких как, например, время [Ивашина и др., 2011]. Для древнего мышления понятия «время» и «погода» / «природное явление» были смежными, и более того, не расчленились

в сознании. У древнего славянина время мыслилось как состояние и период, как результат «кодирования погодных и временных понятий одной и той же лексической единицей» [там же, с. 21]. Частным случаем этой модели является обозначение в русском языке погодных и темпоральных величин родственными словами: *погода – год*. Фиксирование в языке погодных и временных понятий одними и теми же языковыми средствами есть результат метонимического переноса «состояние погоды – время, в котором названное состояние имеет место» и знак древней ступени сознания. Процесс концептуализации времени лишь один из примеров, демонстрирующих роль метонимического переноса в процессах концептуализации и категоризации действительности. В этой связи сегодня в когнитивной лингвистике говорят о «метонимической стратегии» в процессах номинации.

Отношения смежности действительно более очевидны, так как отражают объективные связи предметов и явлений. Некоторыми учеными [Barcelona, 2002; Radden, 2002; Taylor, 2003] утверждается метонимическая мотивируемость метафор как общее явление, согласно которому метафорические проекции всегда имеют метонимическую основу. И корни данной зависимости также находятся в древнем сознании. Ему был свойственен уже упоминаемый синкретизм, нерасчлененность в восприятии явлений и процессов, что обуславливало невозможность метафорического переноса без метонимического сдвига, выделяющего некий фрагмент понятийного пространства. «По сути дела, метонимия готовила процесс метафоризации» [Ивашина и др., 2011].

В чем же сущность метонимии как процесса и результата и, соответственно, ее отличия от метафоры?

Все попытки определения разницы между метафорой и метонимией сводятся прежде всего к определению того типа отношений, в которых находятся составляющие метонимию единицы. Распространенным в лингвистике в рамках семантического подхода является определение метонимии и метафоры как языковых знаков, основанных на соотношении денотативных и коннотативных составляющих семантики исходных лексических единиц. Данное толкование не работает, однако, в случае номинативных,

лексикализованных метафор, но и в случае с живыми метафорами упирается в так и не разрешенный до конца вопрос определения границ денотации и коннотации. Традиционно семантический подход исключает процессы мышления и переработки информации и не обладает в итоге возможностью объяснить процессы метафоризации и метонимизации на уровне когниции и на других уровнях языка.

Традиционное определение метонимии как переноса на основе смежности явлений с развитием когнитивных подходов и теорий стало прирастать дополнительными «нюансами» лингвокогнитивного толка. Так, Антонио Барселона определяет метонимию на основе двух критериев: 1) область-источник и область-цель принадлежат одному и тому же концептуальному *пространству* (которое не идентично концептуальной области/домену, а мыслится шире) и 2) область-источник и область-цель связаны между собой функционально-прагматическими отношениями, которые отсутствуют в метафоре [Barcelona, 2002, с. 236–240]. Ученый демонстрирует это положение на примере метафоры *Джон – лев* и метонимии *Он пал на войне*. Хотя концепты ДЖОН и ЛЕВ и относятся к общему домену ЖИВЫЕ СУЩЕСТВА, между ними нет функционально-прагматической взаимозависимости. Таковая объединяет концептуальные сущности в приведенной метонимии ПАДАТЬ – УМИРАТЬ (тот, кто умирает, падает) [там же, с. 236, с. 240].

Особый интерес представляет собой подход Биатрис Варрен [Warren, 2002] к исследованию метонимии. Б. Варрен идет дальше когнитивистов, в их пристрастии рассматривать метафору и метонимию исключительно на ментальном уровне, и исследует проблемные вопросы не из концептуальной, а из языковой перспективы. Во-первых, она предлагает различать референциальную и пропозициональную метонимию. Пропозициональная метонимия содержит метонимические отношения и соединяет метонимически две пропозиции (*How did you get to the airport? – I waved down a taxi. Как ты попал в аэропорт? – Я вызвал такси.*). Референциальная, напротив, основывается на отношении между двумя сущностями – двумя референтами (*Give me a hand with this. Моя нога не переступит этот порог!*) [там же, с. 114–115]. Прототипическим статусом обладает референциальная метонимия, пропози-

циональная, по ее мнению, представляет собой маргинальное явление [там же, с. 124].

Сопоставляя метафору и референциальную метонимию, Б. Варрен выявляет семантические, синтаксические и функциональные различия. Позволим себе прокомментировать ее положение, добавив к ним собственные рассуждения, касающиеся объяснения особенностей языкового поведения исследуемых концептов исходя из их концептуальных характеристик.

1. Метафора в отличие от метонимии гипотетична.

2. Метафора представляет собой семантическую операцию (по перенесению некоторых качеств), **а метонимия – синтаксическую** (по стяжению начала и конца пропозиции в усеченную форму).

Метафора как семантическая операция связана с перенесением *лишь части* признаков области-источника на область-цель, выделяя их в последней и характеризуя ее (область-цель) исходя из этих признаков. Соединение части одного концепта с другим в единую сущность обуславливает вертикальный характер этой связи, ее парадигматичность (на что, как известно, хотя и с иных позиций, указывал еще Р. Якобсон, противопоставляя метафору метонимии). Это соединение произвольное, не существующее в реальности, что и обуславливает в итоге гипотетический характер метафоры.

В метонимии происходит целостное наложение концепта-источника (КЕПКА) на концепт-цель (ЧЕЛОВЕК в кепке) так, что первый как бы «подминает» под себя второй, перенимая на себя его функцию референции. Это линейное сопряжение дает номинативное образование, построенное по принципу импликации (*Если А, то В*) и представляет собой свернутую синтаксическую структуру (*Красная кепка* (= Человек в красной кепке) важно прошагала перед всем строем). Языковая линейность, или синтагматичность есть следствие соположенности на ментальном уровне, смежности взаимодействующих в метонимии концептуальных единиц. Эта смежность **реальная**, а не гипотетическая, как в метафоре: наличествующее свойство области-цели (ЧЕЛОВЕК **В КРАСНОЙ КЕПКЕ**) выделяется за счет эксплицитно представленной области-источника (КРАСНАЯ КЕПКА).

3. **Метафора**, как правило, **выходит за рамки синтагмы, метонимия остается в рамках одной синтагмы.**

Экспликация метонимического выражения всегда содержит обозначения обеих взаимодействующих единиц и ограничена синтагмой в отличие от метафоры, которая всегда выходит за свои пределы: *Чайник кипит.* = Вода в чайнике кипит. – *Он просто кипел от ярости.* = Он был возбужден до такой степени, что это было похоже на кипение.

4) **В метафоре область-источник и область-цель могут быть связаны различными ассоциациями, в метонимии значимым является лишь одно отношение.**

Именно множественность возможных ассоциативных связей, или иными словами, проекций, связывающих две концептуальные области метафоры (ВРЕМЯ – ДЕНЬГИ / ЦЕННОСТЬ: возможность потратить, подарить, наличие, отсутствие, выиграть и т. п.), обуславливает наличие в языке различных языковых выражений, реализующих данную концептуальную метафору (*подарить минутку, потратить попусту время, выиграть час и т. п.*).

Метонимии в отличие от метафор всегда единичны, как единична связь составляющих их единиц. Эта связь, как известно, можно быть разного вида: связь части и целого, производителя и продукта, сосуда и его содержимого и т. д., но между двумя взаимодействующими в метонимии концептами она всегда одна.

Концептуальными характеристиками объясняются и некоторые другие особенности языкового поведения метафоры и метонимии. (см. подробнее [Арутюнова, 1999, с. 348–253]). Приписывание части признаков концепта-источника концепту-цели определяет преимущественное функционирование метафоры в сфере предиката.

Метафора обозначает, по сути, не предмет, а его признаки, претерпевая тем самым (как имя существительное) «частичную адъективацию», с чем связана возможность употребления с метафорой градуирующих определений: «*Он ужасная шляпа*» [там же, с. 349]. И даже в идентифицирующей функции метафора (если это живая метафора) сохраняет свойственные ей аспекты характеристики (*Да, этот старый лис всех обвел вокруг пальца!*).

В метонимии речь идет не о приписывании части признаков одного концепта другому, а о *референциальном* сдвиге: в результате целостного наложения концепта-источника на концепт-цель (КРАСНАЯ КЕПКА на ЧЕЛОВЕК) лексическая единица, реализующая первый концепт перенимает на себя референциальную функцию лексической единицы, реализующей второй концепт. Вследствие этого «для метонимии типично выполнение идентифицирующей функции по отношению к конкретным предметам [там же, с. 352].

Подчеркивая связь метонимии с дискурсивными параметрами, Р. Лэнекер [Langacker, 1999] определяет ее как ориентирующее явление, лингвистическую конструкцию, в которой когнитивно «выпуклый», то есть бросающийся в глаза, заметный элемент дискурса используется для создания контекста, внутри которого «концептуализатор» может вступать в контакт с другими менее важными элементами дискурса. От того, какой элемент будет выделен в объекте нашим «внутренним глазом», зависит и статус метонимии, и ее назначение. В основе своей употребление метонимических выражений и, прежде всего, конвенциональных или узуально укоренившихся, связано с такими параметрами, как *обезличенность, рациональность, дистантность* по сравнению с *доверительностью, эмоциональностью* и близостью «*неметонимических, безобразных*» выражений [Dröbiger, 2007, с. 200] (ср.: *Весь университет вышел на демонстрацию. – Все студенты и преподаватели университета вышли на демонстрацию*).

Возвращаясь к началу статьи, хочется задать вопрос: неужели метонимии суждено довольствоваться только ролью скромного и незаметного трудяги и отказано в возможности блеснуть своим изяществом? Конечно, нет. Как и скромная Золушка, которая смогла стать яркой красавицей, метонимия также может вызывать наш интерес своей экспрессивностью, эмотивностью, необычностью. Это происходит тогда, когда на место конвенциональности приходит окказиональность. Единичные, авторские метонимии, сохраняя обезличенность номинации, часто связаны с выражением эмоционально-оценочного отношения говорящего.

И в этом случае метонимия нередкий гость и в поэзии:

«Города,

озорные и полные грусти...

Сколько раз к запыленным вагонам несли вы
папиросы и яблоки, рыбу и грузди, <...>»

(Р. Рождественский)

Способность выразить эмоцию и оценку свойственна метонимическим выражениям типа «ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ» (при этом ЧАСТЬ понимается нами широко, как любая, присущая объекту черта, деталь, признак). Данная функциональная преференция объясняется, как нам представляется, лежащей в основе метонимии этого типа *редукцией* объекта: целое редуциру-

ется до его части. Редукция, являясь аналогом процессов *уменьшения* и *сокращения*, обуславливает движение по эмоционально-оценочной шкале в сторону минуса. На этом основаны детские «дразнилки»: название человека не по имени, а по одной из примечательных деталей одежды.

Данный прием любим и в прозе:

«Миллион казацких шапок высыпал на площадь» (Н.В. Гоголь).

И в рекламе, создавая запоминающиеся образы и добиваясь (в данном случае) доброй улыбки:

«Агуша вырастила уже не одно поколение животиков».

10.01.2017

Список литературы:

1. Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории: коллективная монография / Ю.М. Малинович [и др.]; ред. и общ. науч. рук-во Ю.М. Малиновича. – Москва; Иркутск, 2003. – 251 с.
2. Апресян, В.Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1993. – №3. – С. 27–36.
3. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – Москва: Языки русской культуры, 1999. – I – XV. – 896 с.
4. Бабина, Л.В. Вторичная репрезентация концептов в языке: автореф. дис. д-ра филол. наук. / Л.В. Бабина. – Тамбов, 2003. – 38 с.
5. Баранов А.Н. Постулаты когнитивной лингвистики / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии: хрестоматия: ред. В.А. Пищальниковой. – Барнаул: Алтайский гос. университет, 2001. – С. 95–104.
6. Будаев, Э.В. Становление когнитивной теории метафоры / Э.В. Будаев // Лингвокультурология. – Вып. 1. – Екатеринбург, 2007. – С. 16–32.
7. Ивашина, Н. Метонимия: аспекты исследования [Электронный ресурс] / Н. Ивашина, Е. Руденко. – URL: http://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/115186/1_LinguisticaBrunensia_12-2011-1_3.pdf
8. Кубрякова, Е.С. В поисках сущности языка / Е.С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – №1. – С. 5–12.
9. Падучева, Е.В. К когнитивной теории метонимии / Е.В. Падучева. – Диалог-2003. – URL: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Paducheva.htm> (дата обращения: 25. 06. 2014).
10. Падучева, Е.В. Метафоры и ее родственники / Е.В. Падучева // Сокровенные смыслы. Слово, текст, культура: сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – С. 187–203.
11. Barcelona, A. Clarifying and applying the notions of metaphor and metonymy within cognitive linguistics: An update / A. Barcelona // Driven, R., Pörings, R. (eds.): Metaphor and metonymy in comparison and contrast. – Berlin: Mouton de Gruyter. – 2002. – P. 209–277.
12. Dröbiger, H-H. Metaphorik und Metonymie im Deutschen / H-H Dröbiger. – Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2007. – 370 p.
13. Lakoff, G., Johnson, M. Metaphors we live by. Chicago; London; The Univ. of Chicago Press. – 1980. – 276 p.
14. Langacker, R.W. Grammar and conceptualization / R.W. Langacker. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1999. – 433 p.
15. Radden, G. How metonymic are metaphors? / G. Radden. – Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 2002. – P. 407–434.
16. Taylor, J.R. Linguistic categorization / J.R. Taylor. – 3 edn. – Oxford: Oxford University Press. 2003. – 612 p.
17. Warren, B. An alternative account of the interpretation of referential metonymy and metaphor / B. Warren // Metaphor and metonymy in comparison and contrast: Driven, R., Pörings, R. (eds.). – Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 2002. – P. 113–130.

Сведения об авторе:

Солодилова Ирина Анатольевна, декан факультета филологии
Оренбургского государственного университета, доктор филологических наук, доцент
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, e-mail: solodilovaira16@gmail.com